

Инга МАКАРОВА

ДВОРОВЫЕ ИГРЫ

Рассказ

У каждого дерева во дворе было имя: когда в 60-х годах город набухал по краям пятиэтажками и люди радостно перетекали из коммуналок в эти еще не обустроенные, но такие уже свои квартиры, в каждом начинал просыпаться сад-вод, цветочод, деревовод... Еще не был убран строительный мусор, а дворы уже начали прорастать первыми саженцами: вот бабы-Манино деревце, вот тети-Женино... Тети-Женин сын Борис привез из леса (о, у него был свой «запорожец») березу, довольно небольшую, привязал вот к багажнику и привез. И посадил. И выросло оно — Борино дерево.

60-е... Время надежд... Дворы забиты малышней. «Классики», «штандер», «выбывалы»... Бабульки в платочках сидят на скамейке — кинотеатр 60-х. Партер. Среди строительного мусора — огромная лужа. По луже носится полуторогодовалая девочка в платьице и домашних тапочках. Ух, брызги! Ух! Это я. Улизнула из дома (о, счастье свободы!) в неплотно закрытую водопроводчиком дверь. Бабушки смотрят с интересом. Чуть в стороне — открытый люк, но он ведь в стороне! Из парадной выбегают мама, хватает, тащит (зачем? почему? брызги ведь!), кричит на бабушек... Счастливое дворовое детство!..

Мне три или чуть больше. Уже гуляю одна, без взрослых, моя мама только просит старших детей присмотреть. Я ношусь с ними (за ними) по микрорайону и чувствую себя совершенно счастливой. Правда, я все время отстаю, и ребятам приходится меня ждать. В итоге меня сажают в лесополосе в кустах, на краю канавы с водой и велют никуда не уходить. Земля сырая, весна... Холодно... Я жду, но никто не приходит, начинает темнеть... Дальше — провал. На какое-то мгновение прихожу в себя — меня несут на руках. Это мама. Она почему-то бежит. Потом — теплая вода. Меня окунают в ванну, в памяти больше ничего нет, только ощущение тепла... Меня нашли уже в сумерках, увидели среди веток мою красную вязаную шапочку. Ее мне связала моя бабушка. Шапочка была похожа на буденовку, с такой высокой пимпочкой на макушке. Не знаю уж, почему бабушке пришла в голову именно такая форма. Возможно, сыграло роль то, что в далекие времена, в Гражданскую, ее папа служил начальником санитарного поезда, а возможно, она просто не справилась с выкройкой, но как бы то ни было, шапочка получилась именно такой, какой получилась. Когда мне будет четыре с половиной, благодаря ей я стану красноармейцем. На буденовку наклеят звезду, вырезанную из тетрадного листа и закрашенную красным карандашом. И еще у меня будет флаг, родиной которого станет все та же тетрадка. Поскольку закрашивать его было

Инга Борисовна Макарова родилась в Ленинграде, окончила 1-й Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова, работает врачом. Публиковалась в журнале «Юность», альманахе «Параллели судеб», в «Литературной газете», газете «Пражский телеграф».

значительно дольше, бабушка просто написала на нем слово: «красный». Увы, не все мои дворовые приятели умели читать, и потому я сразу стала «белогвардейцем». С флагом пришлось расстаться, но характер эта история, несомненно, закалила.

Мне пять. Мы играем в магазин (какой прекрасный укроп из листьев ромашки!) и еще делаем «секреты», играем в «хали-хало», в «колечко-колечко»... И — «Ножички»! Какое-то невероятное количество игр и друзья мои дворовые Алешка и Вовка. Ободренные коленки, синяки и ссадины. Я мечтаю, когда вырасту, стать пацаном. А пока — отчаянно дерусь, лучше всех играю в «ножички», режу себе пальцы на спор, чтобы никто не подумал, что я боюсь...

По вечерам бабушка пытается перевести мою активность в мирное русло: мы играем в «морской бой» и «крестики-нолики». Я терплю. Но бабушку я очень люблю, а она говорит, что тихие игры мне в жизни тоже пригодятся...

Мне сорок. Дочери моей пять. Я стала врачом и живу там же, где выросла — в моем старом, любимом дворе. Двор стал тихим: дети играют теперь в тихие игры. Так же растут за домом ромашки, но никому не приходит в голову варить из них суп... Нет и многих моих соседей — кто уехал, кого нет уже в живых... нет уже и многих деревьев: бабы-Манино снесли три года назад, Борино и тети-Марусино — в прошлом году. Сначала двор бурно реагировал: мы писали заявления и жалобы, ходили на прием к муниципальным депутатам и даже становились под деревья, когда приходила карательная техника. Но нельзя все время жить под деревьями — мы уходили на работу, а когда возвращались, нас ждали свежие пни. Так уходили в прошлое деревья моего детства, а с ними и совсем покидали двор те, кто их когда-то сажал. Выходя во двор, мы вдруг обнаруживали на стволах метки — кресты и круги. Очень быстро стало понятно, что это значит: или дерево идет на снос, или обрезается. Порою обрезается безжалостно, но не до смерти. Ничего личного — работы по «благоустройству»...

Между появлением меток и наступлением «события» обычно проходило довольно много времени, как будто нам давали привыкнуть к мысли о будущей потере. Любые жалобы и попытки активного противодействия только увеличивали количество крестов и букв «О» на стволах. Двор, пройдя стадии возмущения, затем негодования и истерики, начал постепенно впадать в апатию...

Однажды я вышла из дома и увидела крест на бабушкином дереве. Остановилась. Обессиленно замерла... Я уже давно ждала этого. Ждала с ужасом и тоскою...

— Мамочка, мамочка! Это дяденьки с нами в крестики-нолики играют?.. — моя дочка...

— Да, дорогая... Играют...

Так начались мои тихие игры (вот, бабушка, они мне в жизни и пригодились!). Я принесла кисточки и краски и стала закрашивать крест, пытаюсь воссоздать цвет коры. Кора впитывала краску, но я приходила снова и снова. Так бабушкино дерево осталось жить.

С тех пор я играю в крестики-нолики. У меня два чемпионата — весной и осенью: я закрашиваю кресты на деревьях в нашем дворе. Если совсем закрасить не получится — рисую поверх него нолик, и дерево только обрезают. Я давно поняла, что отбраковка деревьев идет бессистемно, главное — освоить их количество по району. Но еще я понимаю, что бесконечно так продолжаться не может. Однажды я приду с работы, и меня встретит пустота.

И да, я жду это с ужасом и тоскою.

Но может быть...

Тихие игры. Тихие дворы. Затишье?..